

Максим Горький

КАК Я УЧИЛСЯ

Когда мне было лет шесть-семь, мой дед начал учить меня грамоте. Было это так.

Однажды вечером он достал откуда-то тоненькую книжку, хлопнул ею себя по ладони, меня по голове и весело сказал:

— Ну, скула калмыцкая, садись учить азбуку! Видишь фигуру? Это — «аз». Говори: «аз»! Это — «буки», это — «веди». Понял?

— Понял.

— Врёшь.

Он ткнул пальцем во вторую букву.

— Это — что?

— «Буки».

— Это?

— «Веди».

— А это? — Он указал на пятую букву.

— Не знаю.

— «Добро». Ну — это какая?

— «Аз».

— Попал! Говори — «глаголь», «добро», «есть», «живёте»!

Он обнял меня за шею крепкой, горячей рукой и тыкал пальцами в буквы азбуки, лежавшей под носом у меня, и кричал, всё повышая голос:

— «Земля!»! «Люди!»!

Мне было занятно видеть, что знакомые слова — добро, есть, живёте, земля, люди — изображаются на бумаге незатейливыми, маленькими знаками, и я легко запоминал их фигуры. Часа два дед гонял меня по азбуке, и в конце урока я без ошибки называл более десяти букв, совершенно не понимая, зачем это нужно и как можно читать, зная названия буквенных знаков азбуки.

Насколько легче учиться грамоте теперь, по звуковому способу, когда «а» так и произносится — «а», а не «аз», «в» — так и есть «в», а не «веди». Великую благодарность заслужили учёные люди, придумавшие звуковой приём обучения азбуке, — сколько детских сил сохраняется благодаря этому и насколько быстрее идёт усвоение грамоты! Так — повсюду наука стремится облегчить труд человека и сберечь его силы от излишней траты.

Я запомнил всю азбуку дня в три, и вот наступило время учить слога, составлять из букв слова, Теперь, по звуковому способу, это делается просто, человек произносит звуки: «о», «к», «н», «о» и сразу же слышит, что он сказал определённое, знакомое ему слово — «окно».

Я учился иначе: для того, чтоб сказать слово — «окно», я должен был проговорить длинную бессмыслицу: «он-како-наш-он-но=окно». Ещё

труднее и непонятнее складывались многосложные слова, например: чтобы сложить слово «половица», нужно было выговорить «покой-он=по=по», «люди-он=ло=поло», «веди-ик=ви=полови», «цы-аз=ца=половица»! Или «червяк»: «червь-есть=че», «рцы-веди-яз=рвя=червя», «како-ер=кь=червяк»!

Эта путаница бессмысленных слогов страшно утомляла меня, мозг быстро уставал, соображение не работало, я говорил смешную чепуху и сам хохотал над нею, а дед бил меня за это по затылку или порол розгами. Но нельзя было не хохотать, говоря такую чепуху, как например: «мыслете-он=мо=мо», «рцы-добро-веди-ивин=рдвин=мордвинь»; или: «буки-аз=ба=ба, «ша-како-иже-ки=шки=башки», «арцы-ер=башкирь»! Понятно, что вместо «мордвин», я говорил «мордин», вместо «башкир» «шибир», однажды сказал вместо «богоподобен» «болтоподобен», а вместо «епископ» «скопидом». За эти ошибки дед жестоко порол меня розгами или трепал за волосы до головной боли.

А ошибки были неизбежны, потому что в таком чтении слова трудно понять, приходилось догадываться о смысле их и говорить не то слово, которое прочитал, да не понял, а похожее на него по звукам. Читаешь «рукоделье», а говоришь —

«мукосей», читаешь «кружева», говоришь «жевать».

Долго — с месяц и больше — маялся я на изучении слогов, но стало ещё трудней, когда дед заставил меня читать псалтырь, написанный на церковно-славянском языке. Дед хорошо и бойко читал на этом языке, но он сам плохо понимал его различие от гражданской азбук. Для меня явились новые буквы «пса», «кси», дед не мог объяснить, откуда они, бил меня кулаками по голове и приговаривал:

— Не «покой», дьяволёнок, а «пса», «пса», «пса»!

Это была пытка, она продолжалась месяца четыре, в конце концов я научился читать и «по-граждански» и «по-церковному», но получил решительное отвращение и вражду к чтению и книгам.

Осенью меня отдали в школу, но через несколько недель я заболел оспой и учение прервалось, к немалой радости моей. Но через год меня снова сунули в школу — уже другую.

Я пришёл туда в материных башмаках, в пальтишке, перешитом из бабушкиной кофты, в жёлтой рубахе и штанах «навыпуск», всё это сразу было осмеяно, за жёлтую рубаху я получил прозвище «бубнового туза». С мальчиками я скоро поладил, но учитель и поп невзлюбили меня.

Учитель был жёлтый, лысый, у него постоянно текла кровь из носа, он являлся в класс, заткнув ноздри ватой, садился за стол, гнусаво спрашивал уроки и вдруг, замолчав на полуслове, вытаскивал вату из ноздрей, разглядывал её, качая головою. Лицо у него было плоское, медное, окисшее, в морщинах лежала какая-то прозелень, особенно уродовали это лицо совершенно лишние на нём оловянные глаза, так неприятно прилипавшие к моему лицу, что всегда хотелось вытереть щёки ладонью.

Несколько дней я сидел в первом отделении, на передней парте, почти вплоть к столу учителя, — это было нестерпимо, казалось он никого не видит, кроме меня, он гнусил всё время:

— Песко-ов, перемени рубаху-у! Песко-ов, не вози ногами! Песков, опять у тебя с обуви луза натекла-а!

Я платил ему за это диким озорством: однажды достал половину арбуза, выдолбил её и привязал на нитке к блоку двери в полутёмных сенях. Когда дверь открылась — арбуз взъехал вверх, а когда учитель притворил дверь — арбуз шапкой сел ему прямо на лысину. Сторож отвёл меня с запиской учителя домой, и я расплатился за эту шалость своей шкурой.

В другой раз я насыпал в ящик его стола нюхательного табаку, он так расчихался, что ушёл

из класса, прислав вместо себя зятя своего — офицера, который заставил весь класс петь «Боже, царя храни» и «Ах, ты, воля, моя воля». Тех, кто пел неверно, он щёлкал линейкой по головам как-то особенно звучно и смешно, но не больно.

Законоучитель, красивый и молодой, пышноволосый поп, невзлюбил меня за то, что у меня не было «Священной истории ветхого и нового завета» и за то, что я передразнивал его манеру говорить.

Являясь в класс, он первым делом спрашивал меня:

— Пешков, книгу принёс или нет? Да. Книгу?

Я отвечал:

— Нет. Не принёс. Да.

— Что — да?

— Нет.

— Ну, и — ступай домой. Да. Домой. Ибо тебя учить я не намерен. Да. Не намерен.

Это меня не очень огорчало, я уходил и до конца уроков шатался по грязным улицам слободы, присматривался к её шумной жизни.

Несмотря на то, что я учился сносно, мне скоро было сказано, что меня выгонят из школы за недостойное поведение. Я приуныл — это грозило мне великими неприятностями.

Но явилась помощь — в школу неожиданно приехал епископ Хрисанф.

Когда он, маленький, в широкой чёрной одежде сел за стол, высвободил руки из рукавов и сказал:

«Ну, давайте беседовать, дети мои!» — в классе сразу стало тепло, весело, повеяло незнакомо приятным.

Вызвав, после многих, и меня к столу, он спросил серьёзно:

— Тебе — который год? Только-о? Какой ты, брат, длинный, а? Под дождями часто стоял, а?

Положив на стол сухонькую руку, с большими острыми ногтями, забрав в пальцы непышную бородку, он уставился в лицо мне добрыми глазами, предложив:

— Ну-ко, расскажи мне из священной истории, что тебе нравится?

Когда я сказал, что у меня нет книги и я не учу священную историю, он поправил клобук и спросил:

— Как же это? Ведь это надобно учить! А может, что-нибудь знаешь, слышал? Псалтырь знаешь? Это хорошо! И молитвы? Ну, вот видишь! Да ещё и жития? Стихами? Да ты у меня знающий.

Явился наш поп, красный, запыхавшийся, епископ благословил его, но когда поп стал говорить про меня, он поднял руку, сказав:

— Позвольте минутку... Ну-ко, расскажи про Алексея человека божия?..